

Днипрова Чайка.

(Псевдонимъ).

Днипрова Чайка на ныву украинського письменства выступыла р. 1885, надрукувавши килька поезій та оповидання „Знахарка“ въ збирныку „Ныва“ (въ Одесси). Творы Днипровои Чайки виршемъ и прозою друкувались въ „Степу“, „Правди“, „Зори“, „Л.-Н. Вистныку“ та иншыхъ выданняхъ украинськихъ и окремо („Хрестоносъ“ у Кыиви, р. 1895). Р. 1900 въ черныгивському литературному збирныку „Хвыля за хвылю“ надруковано „Морськи малюнкы“ Днипровои Чайки (усихъ дев'ять),—поззи въ прози, шо вызначаються чудовою мовою та оригинальнымъ складомъ и выявляють справжній талантъ поэтычній.

Зъ морськыхъ малюнкывъ.

I.

Дивчына-Чайка.

а Чорному мори йе остривъ суворый-нимый: червоная скеля на буйнимъ зеленимъ роздолли одна пиднимається вгору червонымъ шпылемъ. Не купчатся биліи хаты по ній, и лисъ кучерявый іи не вкрывае, одна тилькы стежка зелена збигае по ній: то течійка воды весняной прорыла червону ю глыну и вся обросла оксамытомъ-травою, а дали все мертво, все глухо... Та ни бо, не все: оттамъ-о на самому рози, надъ моремъ, де вично лютуе сыый бурунь, на самимъ тимъ рози горыть по ночахъ якыйсь вогныкъ; у день

же чайки лышь сиренькіи вьютъся, кыгычуть надъ моремъ Що то за скеля и що то за вогныкъ, и за що такъ люблять чайки ту суворую скелю?

Давно колысь, кажуть, на остривъ той дыкый прыбувъ чоловік зъ невидомыхъ крайвъ. Десь доля лыхая вганяла за нымъ по всимъ свити, що винъ не знайшовъ нигде инде прытулку. Маленьке дытятко та вбогіи вжытки вынись зъ човна, зализъ у печерю и ставъ соби жыты. Якъ жывъ, чымъ жывывсь винъ испершу—про те невидомо никому. Згодомъ дизналься люде, яка була щыра душа у того чоловіка: що-ночи вогныще вельке винъ роскладавъ, щобъ далеко палало—значыло, щобъ ти корабли та суденця, що биглы по хвыляхъ зеленыхъ, мыналы безпечно суворе каминня та банкы *) лыхи потаемни; колы жъ розбывалося судно, винъ самъ на маленькому човни смилыво кыдавъ у море нещасныхъ пльвцивъ рятуваты. И вдячніи люде охоче давалы йому вельки дары—и гроши, й скарбы, що возылы на тыхъ корабляхъ,—ничого не бравъ чужоземець, лышь трошки харчивъ на прожытокъ та дрова та смолу, щобъ нымы вогныще жывыты. И скоро дизналься вси про дида чудного, прозвалы його „морськымъ бусломъ“; дизналы й про його дытыну, котру, мовъ русалку, хвыли морськи колыхалы-пестылы, котру и каминня ниме, и ревучая буря жалылы, втишалы. И выросла дывно хороша дочка у старого: била, мовъ пина морська; якъ куширь, кучерявіи косы вкрывалы ии по колина, а очи блакытни свитылысь, якъ море у ранишніи часъ, а зубы блыщалы, мовъ перла з-пидъ вустъ коралевыхъ. Ничого вона не боялась: ни бури, ни грому, ни гризной хвыли, бо море було ий якъ ридне. И смилыво дивчына кыдалась зъ батькомъ у-купи, якъ часомъ траплялось кого рятуваты, и тилькы до кого торкнеться вона—того не займае розлючене море.

Отъ разъ, накупавшысь у-волю, дивчына тыхо заснула на теплимъ писочку (а море тоди щось мовчало-дримало), и спыть вона й чуе—щось то шепоче; а то мижъ каминня зибралося трое: птыця-бабычъ торбоноса, свынка морская та рыбонька золотипера. Рыбонька й каже:—Вынесу я зъ глыбныи перливъ, кораливъ, ясныхъ самоцвитивъ за те, що вона врятувала мене: лежала я, бидна, на банци—хвыли сердыти закынули дуже далеко—

---

*) Банка—милке мисце. миль, баръ.

пекло мене сонце, посмажыло зябра, крутывсь надо мною мартынь билоперый та хыжий и зъ нымъ моя смерть наблыжалась. Ся жъ добра дытына взяла мене въ руки, всмихнулась прывитно и тыхо пустыла у море—я й зновъ ожыла.

— Я ии вывчу такъ плавать, пирнаты, водыты веселыхъ танкивъ, такихъ ий чудовыхъ казокъ роскажу,—промовыла свынка морская,—за те, що вона, моя добра, годуе мене, дилыться шыро зо мною харчамы; не разъ бы вже й здохла, якъ бы не вона.

— А я ий, — озвалась задумана птыця-бабычъ,—я ий скажу новыну, та таку, якои ниhto ще не знае. Була я за моремъ далеко и чула—прыбудуть сюды корабли та галеры; на тыхъ корабляхъ та галерахъ люде чудни: завзяти, чубати (ихъ звуть козакамы), никого воны не боятся и мореви навить старому дары не даруютъ, якъ инши купци мореплавци, лышь весламы часто сичуть—зневажають. И море сердыте поклато свій гнивь на чубатыхъ, и доля лыха прысудыла усихъ потопыты, побыты и скарбъ ихъ виддаты каминнямъ та банкамъ та всимъ намъ, морськимъ челядынцамъ. Велькои тайны ниhto ще не знае, лышь ий, мылосердний, повинна я все росказаты за те, що вона и мене зрятувала: злочынецъ якийсь перебывъ мени стрилкою крыла, и я помирала на хвыляхъ зеленыхъ; ся жъ дивчына мыла впіймала мене, замовыла кровь и якогось тамъ зилля прыклала та все годувала—глядяла, ажъ покы загоилысь крыла. За те роскажу ий сю тайну вельку...

— Мовчы!—зашумилы, прокынувшысь, хвыли,—мовчы, не твое бо то дило! Не сміе ниhto дизавагысь про волю велького моря, не сміе ниhto сперечатысь зъ гризнымъ!

Кынулысь хвыли до скели-каминня, сердыто бурчатъ помижъ нымы. Злякана рыбка и свынки пирнули на дно, а птыця-бабычъ изнялась-полетила. Та пизно прокынулысь хвыли: дивчына вчула, скочыла раптомъ и клыче:—Верныся, птыце-бабычу, верныся, усе роскажы до-ладу; не треба ни перливъ мени, ни кораливъ, а ни казокъ чаривныхъ, ни таночкивъ,—лучче мени роскажы до-ладу, щобъ я знала, звидкы чубатыхъ отыхъ выглядаты, якъ безталанныхъ зъ биды вызволяты.

А море лютуе, а море реве:—Мовчы, не пытайся, дурненька дытыно! Корысь, не змагайся ты зъ моремъ, тяжко бо море карае!

А дивчына дума:—Байдуже! Ревить соби, хвыли зелени, чорнійте одъ злосты, казгыться! А я не оддамъ на поталу людей тыхъ

видважныхъ, я вырву изъ пелькы у хыжого моря своихъ безталанныхъ бративъ! Лышь батькови й слова не пысну, бо винъ вже старенькый, незмога йому вже боротысь, а буде велька негода, я бачу.

И день догоривъ, и сонце пирнуло у море. Настала велькая тыша. Лышь въ темряви чуты, якъ дидъ бубонуть та збираться варту ночну одбуваты. Дочка попрощалася зъ батькомъ, лягла у печери. А тилькы старый заходывся зъ вогныщемъ, вона заразъ въ човныкъ стрыбнула, усе зготувала, назброилась—бури чекае.

Ще море спокійне, а тамъ щось далеко гуде: то спильнычка моря—хмара грозова иде, иде и моргае страшнымы очыма и темнымы крыламы віе на дрибніи зори, и гаснуть ти зори одъ жаху. Ось витерь, іи посланецъ, налетивъ, засвывставъ, хоче вогныще згасыты. Та дидъ догадався, пидкынувъ смолы,—розгорилось вогныще ще дужче. И витерь назадъ, засоромывшысь, плыгнувъ, и стало все тыхо... Знову и бльжче ревнула грозова хмара, и цилая згряя хыжыхъ витривъ закрутылася, завыла, штовхнула пидъ боки сонніи хвыли. Хвыли безладно метнулысь до скели,—скеля шпурнула на ихъ каминцямы,—хыжо воны проковтнули гостынци и кынулысь знову до скели. А хмара находыть, и гримъ гуркотыть, и блыскавка хыжо моргае, и буря жене-пидганяе нещасни галеры: шоглы ламае, витрыла дере, купае у хвляхъ солоныхъ. Та боротысь зъ моремъ видважни гребци, не подаются чубати! И ось надигнало ихъ море, ось розгойдало страшенно и кынуло просто до скели—и скеля завыла, якъ хыжа звірюка, побачывшы ласую здобычъ! И око не вспило зморгнуты—вщентъ вси галеры побыти! Дивчына страху не знае, дивчына плава, керуе човномъ, выхоплюе смилыво втопныкывъ зъ моря и жваво на беригъ безпешный выносыть. Вже ихъ чымало на берези стало,—ще бильше ихъ гыне у мори. А дивчына втомы не знае, дивчына й слухать не хоче, що море ій гризно гукае:—Гей, оступысь, не змагайся зо мною! Здобычъ моя—не оддамъ я даремне! Геть, оступысь, необачна! Доля страшна покарае тебе—оступысь бо!

Байдуже—дивка не слуха! Кынулася хвля страшенна, утлого човныка мицно вхопыла, кынула геть ажъ за банку, розбыла неначе лушпайку. Дивчына плаче; плаче вона не одъ болю, плаче вона не одъ страху, не за човномъ вона плаче: жаль ій велькый, що ничымъ вже ій рятуваты безщасныхъ.—Ни! такы спробу ще

разъ!—Мыттю одежу зирвала зъ себе и кынулась просто у море. Не зглянулось гнивнее море: хыжо коханку свою проглынуло. Та зглянулась праведна доля: смерти соби не знайшла жалибныця видважна—чайкою сирюю зъ моря спурхнула и зъ гиркымъ плачемъ полетила надъ моремъ... А дидъ и не знавъ, що дочка поробляе, та ти козаки, що вона зрятувала, сказали йому. Зъ горя, зъ роспуки дидъ, якъ розводывъ вогныще, такъ въ його й кынувся просто. Згыблы и дидъ, и дочка, та згыблы не зовсимъ: що-ночи вогныкъ на скели блукае, а сири чайки безъ лику расплодылысь на скели, литають надъ моремъ та плачуть-кыгычуть лышь тилькы зачують хыжую бурю,—звищають пловцивъ-мореходцивъ та свидчатъ про давню давныну, про славную дивчыну-чайку.

II.

Буровиетныкъ.

Втомылося море; объ беригъ не бѣе, не спивае; на мокрому сывому камени птыця якась незнайома дремае; не збудыть ии ни витерь веселый, ни сонце, ни хвыля: все тыхо, все глухо, и сыви и хмары плаксыво вдывляються въ соннее море. Спыть втомлена птыця, сховала голивку пидъ шарпанымъ темнымъ крыломъ, и сняться ий давни минулии дни: и щастя, летуче якъ пухъ, и горе, тяжке якъ каминня, и грихъ вельчезный, безкрайный, якъ море... Давно те було. Розсыпалысь муры высоки, звалылысь тонки мынареты, турецькый погасъ молодыкъ, що пышався надъ Крымомъ; народъ змандрувавъ, поридлы селытбы густии, самы кладовыща зосталыся скрызъ та руины и сумно вишчуютъ про давни часы.

Сонъ-чаривныкъ на веселчастыхъ крылахъ пролынувъ—и зразу зминылась картина: изновъ зашумила Алма и Салгиръ, и веселая Кача, изновъ заряснили садкы, зъ тонкыхъ мынаретивъ смилыво й дэвинко гукають изновъ муэдзыны, шумлять-гомонять городы, бѣе джереломъ въ ихъ жыття вийськове и крамарське, пидъ захыстомъ гризной сылы рядкомъ прытулылысь и ластивка-щастя, и горе-гиркая зозуля. Давнее горе-неволя! Грають, хвылюють торгы, а кризь гоминъ, и регить, и лайку чується стогинъ не-

вольныкывъ бидныхъ, чується брязкить кайданивъ. Онъ тамъ на торзи пидъ гиллястымъ чынаромъ купка дивчатокъ заплаканыхъ туляться наче ягнята, забачывшы вовка, а ось де и вовкъ: татарынъ пузатый багатый ихъ оглядае поглядомъ хыжымъ и сквернымъ. Онъ тамъ трохы дали—дозорщыкъ, пекельна душа, закупуе гуртъ молодыхъ парубкивъ, выбирае, неначе худобу. Ще дужче розлигся брязкить кайданивъ: черезъ мисто сумно идуць на роботу невольныкы бидни, не прости рабы—козаки-юнаки, лыхи ворогы найяснійшого хана! За те жъ не звычайно й закути: въ тройчасти кайданы, у-трое дозорщыкивъ зъ нымы, въ дозорщыка довши у-трое бычи... Неначе на глумъ та на посмихъ орливъ Украины прыставылы каминь лупаты та строиты муры темныци на себе жъ. Не годъ и не два вже минялы каты имъ роботу, все тяжчу, все важчу давалы—та держаться жыви орлы-козаки, жыва ще надія въ козачій души, и кризь брязкить кайданивъ чується регить, и жарты, и писня про славу Вкраины. Жыви уси п'ятдесять и чотыри, сывый отаманъ не вмеръ, жыве й осавула той заздрий. Горе тому осавули! На ридній краини никола йому не доводилось стати найпершымъ, найстаршымъ: от-отъ вже, здається, вси змовылись його обрата,—ажъ гулькъ! вже найшовся хтось другый, а винъ остається, якъ бувъ, осавула та й годи! И прыкро, и заздо йому. И тутъ, у неволи, за батька вси мають старого Трохыма, а його, Гордія, вси мають за свого лышь брата-юнака. Точыть змія невсыпуща Гордіеве серце. Не разъ и не два винъ пидбурювавъ хлопцивъ не слухаты батька Трохыма, що каже чекаты годны слушнои. Старый не пускае бо хлопцивъ тикаты зъ неволи степомъ, черезъ горы зовсимъ навманя; все Бога лышь молыть, щобъ блыжче довивъ ихъ до вильного моря. Молытви й наказу старого спрыявъ самъ Господь: въ Козлови тюрма завалылась, и муры нови муруваты зигналы завзятыхъ невилыныкывъ сылу, бо зналысь воны на муравському дили.

Ой, нема, нема ни витру, ни хвыли
Изъ нашої Украины...

Спивають-рыдають невилыныкы бидни, спивалы-рыдалы, ажъ голось втерялы, а серце мовъ вырватись хоче зъ грудей. Мынаються дни и тыжни—уже не спивають, мовчать козаки, лышь каминь сердыто въ роботы вергають, на море жъ шыроке, зитхаючы, дывляться скоса. Даремне отаманъ старый розважае, рае не кыдать надіи на Бога, весны дожыдаты терпляче—мовчать ко-

закы, лышь каминня сердыто вергають. Стрипнулося серце въ Гордія: ажъ ось колы винъ попануе, ажъ ось колы його послухають вси козаки.

— Браты-товарыство! Не докы жъ терпиты намъ кляту неволю, не докы жъ намъ пасты дурненьку надію, що вызволятъ насъ землякы! Забулы за насъ наши кривни, и доля одъ насъ одступылась; никто не поможе, ажъ покы самы, набравшысь видагаы, соби не поможемъ. Ну жъ, стрепенитъся, орлы-козаки! Невже вашу сылу до крапли выссала ханська праця? Невже вашу душу юнацьку каминня тяжке задавило?!

Здригнулы невилыныкы вразъ, насторочылы вуха якъ кони, выпвають пожадлыво тую розмову, якъ дощыкъ выпвае въ посуху земля. Даремне вмовляе старый зачекаты ще трохы, хочъ выбраты слушну годину—куды пакъ! Не слушають диты безсылго батька: якъ кони, що низдри роздулы, копытамы крешуть, козырять вушыма—оттакъ козаки проты батька старого. И скынулы його, отаманомъ вси одностайне Гордія обралы. И смилыво винъ погляда навкругы, и тишытьса честю тією, неначе не ломъ и лопату въ рукахъ винъ трымае, а пышни гетьманськы клейноды; немовъ не кайданы винъ носыть, а красны гетьманськыи шаты. Весна росцвилася. Зачулы зозулю невилыныкы, — разомъ зибралысь темненькой ночи, кайданы розбылы, посиклы своихъ вартовыхъ на шматкы, розкыдалы геть на поталу собакамъ, самы жъ посидалы гарненько въ галеру и весело кынулысь въ море.

Ласкаво-влеслыво витало ихъ море, шовковымы хвылямы м'яко горнулось, плескало спивуче объ бока галеры, всмихаючысь ясно, маныло въ блакытну свою далечинь. Быстро летыть, распустывшы витрыла, галера, зухвало спивае юнацтво, пышно отаманъ новый похожае, одынь лышь старый щось сумуе: трясе головою, зитхае та пыльно вдывляеться въ обрй.

— Чого се ты, диду, сумуешь? Чы ханської шкода неволи? Чы прыкро, що тебе зсадылы?—жартлыво спытався Гордій.

— Ни, сыну, не шкода неволи, проклятои трычи, не жаль, що повагы позбувся, а жаль мени й дуже на васъ молодыхъ, що радіете рано: у насъ попереду буйне та зрадлыве море, позаду—ворожа погоня, а третя беда—що по морю дороги никто зъ васъ не знае.

— Годи, старый, не твоя то печаль, сыды соби тыхо та дышь: на свой мы дорози, погоня за нами не вспіе, а море, якъ лялечка, тыхе.

— Гараздъ, якъ все буде гараздъ...

— Гараздъ усе буде: отаманськымъ словомъ ручуся!

— Дай, Боже!—зитхнувъ сывоусый.

А море палкійше галеру витае, що дали—усе голоснійше спивае; убралося хвлямы рясно, вквитчалось въ перлыстую пину. Летыть лехкоккрылою чайкою въ мори галера, ажъ ось, якъ шулика, и наганяе ще більшая друга и мае червонымъ на щогли значкомъ. Тоди схаменулысь невилыныкы бидни—и смерть, и неволя заглянула въ душу, и думка страшная устроила сылы.

— Витрыла крипы и пускайся на Божую волю! — гукнувъ той новитній отаманъ. Лехко звылыся на щогли рухлыви витрыла, галера якъ птыця полынула въ море, сховалась за хвыли высоки; ворожа догоня далеко зосталась, не стала вганяты за нею, назадъ повернула. Здыхалысь першого лыха невилыныкы бидни, такъ друге настыгло: дорогу втерялы. Клопочеться сывый и рае дорогу по зоряхъ держаты. Де-хто згодывся и ставъ роздывлятысь, такъ лыхо,—Гордій ажъ спалахнувъ:—Самъ, каже, знаю дорогу!—и ставъ пры стерни (за першого й тутъ винъ себе уважае). А море насупыло биліи бровы и пащеку темну роскрыло, реве та клекоче, мовъ пекло. Зрынае мижъ хвлямы утла галера, скрыпытъ вона, стогне, а витерь спива козакамъ панахыду. Стоить такы жъ твердо отаманъ новитній, керуе по морю, а сывый у голось за всихъ уже молытыся Богу. Цилую ничъ зъ бурунамы бо-ролась галера, а ранокъ рожевый на неби загравъ—побачылы берегъ потомлени бидни пловци. А море бушуе, а море клекоче и лизе, неначе скажене, на гостре каминня. Вже й молытыся вдяч-ни пловци, вславляючы Бога, що ось перевивъ ихъ кризь море и беригъ вже имъ показавъ. Озався отаманъ старый до Гордія, щобъ давъ винъ йому керуваты мижъ скель та пидвидныхъ каминнивъ.

Зухвало одмовывъ йому молодой отаманъ и все жъ коло стерна лышывся.

Веселее сонце устало надъ моремъ, всмихнулося все йому любо: и небо, и хмары, и скели, и море,—одни козаки не всмихнулысь: по хвляхъ зеленыхъ гойдалысь трискы одъ галеры, а ихъ и не выдко: усихъ поковтало несытее море. Одынъ лышь отаманъ

зостався: вчепывся за скелю рукамы и высить надъ моремъ. Прыйшовъ винъ до пам'яты, вылизъ на каминь, поглянувъ на море и грихъ свій великий, безкрайный, якъ море, тоди тилькы зважывъ и ставъ винъ себе прокlynать. Блажавъ винъ у Бога, якъ мылосты, смерты и кынувся зъ скели у море,—скаравъ Богъ нового Іюду, не давъ йому скинчыты муки, и море його не пожерло: пташыніи крыла на спыни з'явылысь, легеньке-маленьке зробылося тило, до темного пир'я й вода не прыстане, и птыцею скинувся отаманъ Гордій. Заклявъ його Богъ такъ конаты весь викъ и смерты не знаты, ажъ поky хто другый, втопаючы въ мори, його не згадае, за його въ свой передсмертній молытви гнивного Бога не вмольтъ. И ось винъ зъ тіеи поры литае надъ моремъ, якъ птыця нещастя, и люде прозвалы его „буровистныкъ“, не люблять, жахаються гостя такого. Литае безшасный надъ моремъ, де буря заграе смертенной писни, литае та втопныкамъ въ вичи усимъ заглядае и жалибно квылыть даремне...

Здригнувся кризь сонъ буровистныкъ, розшыривъ потерзани крыла й помчався свить-за-очи знову шукаты кинця своимъ мукамъ...

III.

М а р а.

Вики за викамы мынають, сплывають, якъ хвыля на мори: якъ хвыля то зносыть писокъ въ глыбыню, то знову наносыть на беригъ,—такъ само и часъ выробляе: то зитре и слиду не кыне того, що колысь истнувало, то знову розкрые безодню свою и выкыне давне мынуле людямы на дыво.

Въ руинахъ, землею покритый, порослый увесь бур'янами лежавъ Херсонесъ стародавній и мовчки мовчавъ про мынули колышніи дни. Наставъ иншый часъ. Въ руинахъ забытыхъ зибралыся люде нови, розкопалы, розкрылы нимую могылу, шукають, пытаються правды про давніи дни. Били руины блыщать соромлыво проты веселого сонця; порожни цистерны суворо чорніють; розбыты богы не пышають въ розваленыхъ дrevныхъ храмахъ: у землю, въ густы бур'яны ховають скаличене тило. И городъ за-

мерлый неначе зитхае, неначе ажъ стогне пидъ ломомъ, пидъ заступомъ гострымъ. Злякана грюкомъ зъ темныхъ печерь та провалливъ сумная мара вылитае и носыться скризь по-надъ мистомъ померлымъ. Въ день ще, пидъ сонцемъ яснымъ, не посміе вона показаты облыччя, въ ночи жъ и побачышъ ѝи, и почувешъ: то хмаркою лыне по неби надъ мистомъ, то вогныкомъ сынимъ блукае въ каминняхъ, зитхае, шуршыть невыдымымъ крыломъ, а въ хвыляхъ спивучыхъ, пиль берегомъ, круто звысаючымъ въ море, щоденно, щочасно рыдае, зитхае, перебира каминцямы та шепче.

Мисяць на неби засяе—изъ билои пины, зъ туману встають якісь постати дывни, танкомъ передъ скелею ходять, и скеля тоди оживае: ворущыться сывый бур'янъ на чоли и, весь тремтючы, одхыляється каминь одъ скели, звысае надъ моремъ; той каминь—поглянь—вже не каминь: то дидъ вельмы древній, у темній одежи, а лысына ясно блыщыть у мисячнимъ сяйви, сыва густа борода по колина, въ руци його молотъ, ризецъ та ще циркуль, другою жъ маныть изъ моря до себе своихъ прехорошыхъ гостей. И пидходятъ уси по черзи: то дивчына жвава, то пышная жинка, то хлопецъ стрункій, то велетень гордый зъ облыччямъ царськымъ, то дытятко маленьке; пидходятъ до дида и жаливно молять-благають объ чимсь. Дидъ оглядае ихъ пыльно,—и кожду ту постать скаличено тяжко: въ тїей руки, у тїей ногы, головы або часомъ и тила нема зъ половины. Побачыть се дидъ—застогне хрыпльво и пхне ѝи въ море; вона заголосыть, и, въ море упавшы, розсыплеться в-щентъ каминцямы дрибнымы, а друга тымъ часомъ пидходыть изъ моря. А той, перебравшы усихъ, сходыть зъ высокои скели, до свиту блукае по берези сумно, рые дрибни каминци: то збирае до-купы, то личыть, то зновъ роскыдае, то тяжко зитхае. А тилькы зоря свитовая засяе на сходи, старый поспишае на скелю, оглянешься сумно кругомъ и, тилькы побачыть въ руинахъ свій городъ, застогне и каминемъ тяжке впаде, а душа його тыхо марою полыне по древнихъ убогихъ руинахъ.

Давно колысь, дуже давно, якъ руина отся прозывалася ще Херсонесомъ славетнымъ, колы ще гойдались густо пры берези грецкыи галеры, а берегъ, мовъ та комашня, кыпивъ - гомонивъ одъ народу, гора жъ красувалась храмамы, садкамы, хатамы,—дидъ сей ище не блукавъ по-надъ моремъ журльво; не хвыли морськіи виталы його—виталы, вславлялы його хвыли народу й свого, и чу-

жого. Великий мистець бувъ Менандръ: ще змалку ласкави боги надилылы його хыстомъ вельчнымъ,—пидъ його руками каминня нимае оживало, и мрамуръ неначе ажъ дыхавъ, и мидь ворущылась, слоновою кисть и дерево всяке, и глына — усе воскресало у постатяхъ дывныхъ. Слава Менандра далеко сягала: з'їиздылыся гости зъ далекихъ краивъ, и зъ Греції навить старои офиру въ храмахъ херсонеськихъ ласкавымъ богамъ прынести та глянуть на пышни менандрови творы.

— Щасливый Менандръ молодой! — гукають повсюды. А винъ в-половину щасливый: не тишыть гримучая слава, бо клопить мистецький и клопить громадський разомъ на душу його наляглы и потьмарылы промивъ блискучои славы.

Розрисся, росцвивсь Херсонесъ, мешканци його диждали бажаного часу. Диждали, а все жъ бо несыти: въ грудяхъ у кожно-го бьеться эллинське завидыве сердце, жада и себе ще дужче прославить, всю славу старои Эллады соби переняты. Юнакови кожному сныться лавровый винець триумфальный. Сныться винець и мордуе Менандра, муляе, наче терновый, безсоннее чоло. Невпынно працюе Менандръ, що-день прыбыльшається пращи, що-день наростае и клопить,—усе неконгентный Менандръ: „Не те! все не те“!—бубонуть винъ сердыто. Не бачыть ничого Менандръ молодой: ни веселощивъ гучныхъ хлоп'ячыхъ, ни гарныхъ дивчатъ, що, якъ квиты за сонцемъ, кохано пыльнують за нымъ; одне тилькы й бачыть, однимъ тилькы й дыха: такъ ще навчытысь липыты та ризать ризцемъ, якъ въ свити ништо ще не ризавъ, и тымъ Херсонесъ свій прославить въ цилому свити. З'їиздывъ Менандръ всю Элладу, коженъ каминчыкъ въ Акрополи знае, кынувсь въ Египетъ довичній, заносыла його завзятая думка и въ схидни таемни краи, и въ Рымъ гордовытый. Втомлений, скудлый, суворый вернувся до-дому Менандръ. Хымерная думка все дрычыть, спійматы ниякъ не дається, бо ще не наставъ його часъ. Втомывся Менандръ и подався мижъ люде — видрады шукаты. Знайшлася видрада ще й хутко: прегарна Феано выгнала зъ сердца ту в'їидыву думку. Щасливо побралысь коханци; рикъ першый пролынувъ и другый; на третій зирнула думка забута, до сердца прыпала и ссе його, наче гадюка, мозокъ морочить и тило в'ялыть. Горе Менандрови, горе! Не разъ и не два одкрывався коханій дружыни, бажаючы шырои рады,—палка лехкодуха красуня не хоче звертаты увагы на дывніи сны, на замиры вельчныи,

сміється зъ завзяття Менандра. Що день, що хвылына—все гирше. Ставъ уныкаты Менандръ у робитню: замкнется самъ-насамъ, тыжнямы його не вытягнешъ звидты. Феано жъ палка репетуе: жаліється родычамъ, вирнымъ сусидамъ, а тамъ старшыни почала докучаты, щобъ кару яку на Менандра поклалы, що зъ жинкою жыты не хоче. Сходывся ридъ весь, вмовлялы сусиды, втручалысь свои й не свои — надаремне! Упертый Менандръ одмовляе усимъ:—Повыненъ я те утворыты, до чого велики богы надалы мени викъ, и таланъ, и сердце Эллина. Невже жъ мы на те прысяглыся жыть-працюваты на славу свого Херсонеса, щобъ слово велике зломыты для жинчыныхъ прымхивъ?— Вырикъ—и змовкъ. Зацпыло кривнымъ, сусидамъ, зныклы порадыкы зъ двору Менандра. Самъ винъ видрикся одъ жинкы и дрибныхъ дитокъ, замкнувся въ робитни, пестыть божевильную думку. Довго терпеты Феано не сыла: жыття безъ кохання було їй не мыле, и наглою смертю померла красуня палка. Очумавсь Менандръ одъ думокъ, прочнувся до пекучого горя, вбирае померлу дружыну, го трупы їи прыпадае, и просыть, и плаче, и хоче красою дружыны в-останне й на викъ натишыты очи. И ось затремтивъ, побилывъ, а очи загралы, мовъ зори: то давня хымера з'явылась, то загадку мудру Менандръ розгадавъ!

— Знайшовъ я, знайшовъ!—скрыкнувъ Менандръ божевильно,— ось вона де таемныця жывои красы: склепылысь очи блыскучи, злынялы роскишніи барвы и въ мрамуръ холодный та билый жывая краса обернулась. Стрывай же! Холодному камню дамъ я хварбу, дамъ очи жывіи, дамъ поглядъ тымъ очамъ—и мрамуръ, и мидь оживе, и въ постаты дывній и ты оживешъ, моя страдныце бидна! Прославлюся я и на-викы я край свій коханный прославлю—на-викы!

Плынуть роки за рокамы. Втишається батько Менандръ на любыхъ дитей—Фалеса та Зою маленьку. А въ темній робитни, куды не пуска винъ никого, пануе вельчняя постать богыни Деметры—точнисинько жинка покійна, Феано; за нею зъ куточка Эроть выглядает. Багато-багато въ робитни назбирано каминю рижныхъ хварбивъ: мрамуръ рожевый, билый, червоный и жовтый, слоновои кости в'язанкы, въ скрынькахъ каминци-самоцвиты и срибла, и золота купы. Не скарбъ же жъ ховае Менандръ одъ людей: ховае винъ власни замиры вельчны. Мынуло ще килька рокивъ. Зрослы и Менандрови диты, и самъ винъ прыстаривсь:

кучери чорни прыпали морозомъ, думкы пооралы колысь прехороше облыччя,—ничого не бачыть Менандръ, бо винъ увесь клопоту повень: яку бъ то голивку найкраще прыдаты краси-Афродити? Зъ кого бъ злипыть Геліоса? Де бъ зразокъ знайты для Арея?

Клопоту повный выйшовъ Менандръ невсыпущый колысь прогулятысь въ садочокъ. Пышный садокъ розвели Зоя зъ Фалесомъ надъ моремъ кругомъ по гори, посухамъ та витру на злисть квиткамы засіялы рясно, кругомъ обвели кам'яною стиною. Тилькы надъ кручею стинкы немає: грае-спивае тамъ вично хвлястее Чорнее море. Часто Менандръ на тимъ мисти сидавъ и у моря пытався порады. Ото соби йде на знаомый шпыльчокъ, думы його обляглы и никому його розважыты, никому даты видрады. Згадавъ винъ покійну Феоно:—Чого бъ то не жыты въ ладу та коханни? Чого бъ то, кохаючы серцемъ, не вчуты того, що для мене дорогше надъ все?—Згадалось мынуле кохання, згадалысь палки поцилункы и любая, тыха розмова. И справди—въ ту жъ саму хвылыну почувъ винъ палки поцилункы и люблю розмову, й солодке зитхання: въ гушавыни темній пидъ пышнымъ рожевымъ кушемъ, до цилого свиту ними и глухи—сыдили коханци щаслыви.

— Зюечко!—скрыкнувъ здывованый батько.—Сполохана дивчына здригнулась, скочыла прудко и стала на ривній ногы предъ батькомъ: лыця палалы вогнемъ, станъ колывався, неначе тополя пидъ витромъ, а очи, шо доси спускала у-нызь соромлыво, вразъ пидняла и глянула просто на батька,—и чорніи очи засялы, мовъ зори.

— Жыва Афродита!—скрыкнувъ въ запали Менандръ, и батькивьське сердце здавыла мовъ клищами думка: хто жъ то посмивъ одбываты у батька таку несказанну красуню? Гляне—стоитъ билия Зои якыйсь чужоземець: стрункый, кучерявый, блакытніи очи сяють, мовъ небо, на билимъ высокимъ чоли залягла и видвага спокійна, и дума высока.

— Скажы мени—хто ты, о, хто ты, чудовый? Чы ты Геліосъ незривняный? Чы людська дытына, до бога самого подибна?

— Патрокломъ мене нареклы, зъ далекого Занте я родомъ. Не гнивайся, батьку ласкавый: такъ мабуть богы прысудылы, щобъ саме въ той часъ, якъ галера моя прыставала, дочка твоя любя до берегу выйшла, з'явылась, якъ втилена мрія. И зглянулысь

очи зъ очыма, и сердце до сердца озвалсь,—такъ мабуть боги присудылы—и ось теперь бачышь, коханци щаслывы отуть стоимо предъ тобою—зглянсья, нашъ батьку ласкавый!

Радисть и щастя пануе въ Менандра въ подвир'и: Зоя зъ Патрокломъ побралысь щаслыво, а самъ винъ въ робитни—кинчае дви постати дывни: рожевого мрамру тило вылыскуе, наче живе, от-отъ лышь не вие тепломъ; чорни агатови очи, якъ чорни зори гыскрють, темни косы спадають на биліи плечи з-пидъ золотого винця—то Афродита, богыня красы и кохання. Зъ нею у-поручъ стоить Геліосъ: билого мрамру тило юнацькои повне красы; горде облыччя усе облямоване пышнымъ волоссямъ изъ щырого злота; очи—сафиры блакытни. Третяя постать—Арея, бога вйны,—темна спижова,—ще не дороблена й доси: все головы ще немае, тило жъ струнке та м'язке, скрызъ напружылысь жылы, немовъ мотузками його облпелы, сувора постать повна видвагы та гниву.

— Де бъ я побачывъ той выгазь, якый мени марыться въ думци неясно? Соромъ! У нашимъ краю вже зовсимъ перевився той образъ! Мабуть такы доведеться въ Спарту далеку податысь.

Такъ розмовляе Менандръ, клопоту повный, не знае й не чуе, що коиться въ ридному краю. Скоилось те, що й не разъ вже бувало: встрявъ Херсонесъ у завидлыве око сусидамъ, не разъ завертали непрохани гости до його зъ степивъ чорноморськыхъ. Ныныкы воны налетилы, немовъ сарана, несподивано городъ кругомъ обляглы: видъ кинського топоту, скрыпа возивъ та незграбного, дыкого крыку надъ городомъ стогинъ стоить.

Замыкано браму, на мурахъ у-трое поставлено варту, старе й молоде выражається хутко до бою. Байдуже Менандрови: такъ же жъ сыдыть, якъ сыдивъ, у робитни. Хиба се першынка? Хиба въ Херсонеси вже вйська бракуе? Чы муры його не высоки? Чы варвары справди зробылысь розумни та дужчи за грекивъ? Нехай же гвалтують—винъ пращи своеи не кыне. А челядь усе надбигае, звисткы прыносять сумни-страшни. Ось и Фалесъ молодой: вбигъ у робитню винъ просто, кынувсь опукою батькови въ ноги.

— Нещастя, нашъ батьку! Гыне нашъ городъ! Сыла ворожа зростае! Пусты мене, батьку, на муры!

Збентеженный батько дывывся на сына, и очи його засялы велычнымъ вогнемъ.

— Сыну, надіе, видрадо моя! Хай праведни боги підкреплять у правому дили правыцю твою! Иды жъ, поспишай, офируй свою сылу ридній краини!

Выхремъ помчався Өалесь, а батько стоявъ нерухомый, и зъ сяючыхъ гордыхъ очей мымоволи сплывалы непрохани сльозы. Глянувъ Менандръ и схопывсь за ризецъ:—Ось колы выкинчу дывную постать! Ось де втилытыся мае Арей!—Въ городи гвалтъ, биганына, распачъ жене непрытомныхъ мешканцивъ, якъ борвіи на мори бурхлывіи хвыли.

— Постати дывни мои! Диты мои найдорогши, мои олимпійци преславни! Де бъ васъ сховаты?

Клопочеться бидный Менандръ, склыкае всю челядь, звеливъ переносыты скарбъ свій въ печеру таемну надъ моремъ, видому для його самого. Ще не скинчылы челядныкы праці,—рынула хвыля народу у браму, на плечахъ несуть воны тило Өалеса, коханого сына. Кынувся батько до його зъ рыданнямъ, а другая хвыля уже напирает и зносыть высокую браму. Глянувъ Менандръ и вжахнувся: люде не люде, и звири не звири—дыки, сувори, брудни, напивголи, въ шкурахъ звирычыхъ; вовчи, ведмежі морды на тим'и стремлять; хвосты телипаються з-заду; въ рукахъ прездорови луку та дубови довбни тяжкіи. Боронять подвир'я Патроклъ, сиче ворогивъ на капусту, а Зоя, била мовъ крейда, зброю йому подсе. И не вытрымавъ бравый—упавъ, наче дубъ пидъ грозою, и хыжая зграя въ ту жъ мыть черезъ трупъ поскакала у двиръ. Не хоче вродлывая Зоя датысь у руки живою: якъ дыка коза легконога, вона подалася прозь садъ ажъ до моря; догоня за нею уже настыгае, вона жъ якъ метелькъ звывалася на скелю и раптомъ стрыбнула у вильнее море...

Орда обступыла Менандра, дывуються вси на постати дывни. И ось якись двое спустылы пернатіи стрилы. Одскочылы стрилы одъ мрамору просто, зломылысь и впалы пидъ ноги богамъ, а боги нерухоми стоялы, спокойно пышалы своєю красою. Тилькы Менандръ—якъ левыця, зненацька сполохана раптомъ,—кыдавсь, богивъ боронывъ: старый, неназброеныи, сывый—винъ страшно дывывся на дыкыхъ. И страхъ невымовный напавъ ихъ: покыдалы довбни и стрилы, побиглы уси, мовъ сполохани гусы, скупчылысь, наче ти вивци, у брами. Остався Менандръ сыротой и дякуе мудрымъ богамъ, що робитню його и творы його захыстылы.

Мынають роки за рокамы. Забувъ Хорсонесь про минулу лыхую годьну, ще дужче почавъ богатить; и зновъ у йому, якъ бувало, усобыци яро кыплять, роздырають громадське жыття Херсонесу.

И такъ поришылы правытели мудри: нижь бытысь та свары чыныты на глумъ та на втиху варварамъ хыжымъ,—оддаймося краще пидъ дужую руку славетного Рыма. И Рымъ не одмовывъ—дяка йому!—прыславъ свое вйско, урядъ встановывъ, потроху-помалу прыборкалы крыла сваволи, потроху забрали усе, чымъ бувъ дужый, багатый до того часу Херсонесь, забрали мицнымы рукамы, сказали:—Се наше по праву.—И ставъ Херсонесь замираты не въ поли, не въ чеснимъ бою, не въ неволи ворожий, а въ дружнихъ обймахъ рымлянъ, одъ ихнього догляду й ласкы. Ничого не знае Менандръ, зовсимъ божевильный винъ ставъ: оплакавшы любыхъ дитей, зовсимъ винъ людей одцурався, працую невпынно та просыть богивъ, щобъ продовжылы трохы ще вику, щобъ выкинчыть цилый Олимпъ, поставыты його въ найкращому храми на славу и честь Херсонеса, на дыво прочанамъ, що сходылысь зъ цилого свиту.

Прочулы про дида чудного и рымськи гульвисы, зибралысь юрбою, на те не вважають, що жадень зъ його землякивъ не посмивъ бы йому заважаты, колы винъ въ робитни самъ-насамъ; зибралысь и зъ галасомъ сунулы просто въ робитню и вразъ остовпили: предъ нымы одкрывся Олимпъ нерухомый въ краси несказанній. Одынъ лышь Менандръ престарезный впадавъ коло постати Зевса, зитхавъ, бубонивъ самъ зъ собою:—Старый ты и вбогый Менандре! Розтратывъ, никчемо, маеткы: не маешъ, чымъ славного Зевса оздобыты такъ, якъ бы варто було.—Мовчкы одынъ по одному выйшлы рымляне, побиглы до пана свого, розказалы про дывного дида. И другого жъ ранку прыславъ до Менандра вельможа багати дары: прыславъ и слоновой косты, и золота, й срибла, щобъ мавъ чымъ Зевеса скинчыты, якъ гидно. Древній мыстець ажъ воскресъ: и днюе, й ночуе въ робитни, працую, немовъ молодой, забувъ за смагу й за голодь, забувъ за лита свои древни: одне лышь—працую, працую. И дывная постать выходыть з-пидъ рукъ майстерныхъ! Слоновой косты роскишнее тило, въ рукахъ блыскавыкы золоти, зъ золота жъ кути, изъ срибла роскишнии шаты,—каминнямъ оздоблени рясно ти шаты,—и очи горять самоцвитомъ, якому цины вже немае. Скин-

чывъ усе врешти Менандръ, одійшовъ, подывввся, одкынувъ струмента и впавъ передъ постаттю ныць—и плаче, й сміється... Саме въ той часъ изъ пойиздомъ пышнымъ прыбувъ у подвир'я и рымськый вельможа. Лышь глянувъ—и рымляннъ гордый вклонывся у ноги старому:—Старче велькый! Нема тоби ривно-го въ свити! Фидій давнишній воскресъ бы, та й той уклонывся бъ тоби! Я, рымляннъ, честь и краса свого війська, другъ цисаря навить самого, и я тоби, старче, вклоняюсь! Прымы се витання, на завтра жъ готуйся прыняты витання одъ цилого краю. А вы, челядынцы моторни, идить—повистить херсонесцямъ велькее свято: зъ темрявы, зъ тисного кутка пидъ вольнее чыстее небо, предъ очи народу мы вынесемъ рано безсмертній творы Менандра. Ламайте жъ бо лавры и мырты, зрываите квиткы, заплитайте винкы несчысленни, пахощи зносьте, быкы круто-роги та вивци рунысти зганяйте! Божіи слугы—жерци хай вбираються въ пышній шаты! Все мы помолымось вкупи, подякуймо вичнымъ богамъ, и Менандра старого вквитчаемо лавромъ! Та ни, не въ тисному сьому Херсонеси пышаты безсмертній краси: у Рымъ тоби, старче, дорога! Тамъ цисарь и війско, и тьмы несчысленни народу витатымутъ тебе, якъ гидно! Найкраціи рымськы храмы прославлютья творама, старче, твоимы! Самъ цисарь тебе нарече своимъ майстромъ. Одъ оплескивъ дружнихъ ввесь Рымъ загремыть, и слава крылата по цилому свити полыне, тебе именуочы, старче!—Ще бъ, може, довго балакавъ велькоричывый вельможа, такъ ветхый Менандръ вже не вытрымавъ дали: зомливъ, захытався и впавъ бы, якъ бы не пиддержалы люде.—Диждався!... диждався!... хвала вамъ, безсмертни!—Менандръ шепотивъ.

— Спочынъ же, Менандре, а сонечко тилькы устане—пойиздъ я пышний по тебе прышлю.

Уси розійшлыся, замовкы хвалы, лышь море пидъ кручею грае та мисяць червоный выходыть з-за гиръ; ось винъ пидбывся у-гору, надъ хмарою ставъ и все заыскрило пидъ сяйвомъ його чаривнымъ. Менандрови й доси не спытъся: уставъ винъ, простуе въ робитню ще разъ надывытысь на ридній творы. И мисяць слидкомъ за Менандромъ прокрався у двери и проминемъ срибнымъ облывъ олимпійську красу.—Щаслывый я, Боже, щаслывый! Чому не диждала Феано, чому не диждалыся диты кохани, сіеи хвылыны? Досягъ я свого! Прославитья ридный мій городъ

и може одвични боги за шыру офиру мою будуть ласкави, прыхыльні до ридного краю... Що жъ я кажу? Пострывай лышь, Менандре! Завтра—велькее свято... пышная жертва богамъ... лавры мени... зъ дозволу, по прыказу рымського пана?!... А тамъ навпоследкы визьмутъ на славу велького Рыму моихъ найриднійшихъ! Рымови слава!... А що жъ Херсонесови зъ того? Нѣ що жъ я жывъ, працювавъ: на те, щобъ си чужоземци соби на корысть однималы оте въ Херсонеса, що йому належыть по праву? Щобъ все одняли, а його занехаялы, и ймення його щобъ забулось, умерло для цилого свита?... Не буде жъ того! Не дамъ я на посмихъ свій городъ! Не дамъ имъ на ихнюю славу зёрна своей души!

Що жъ? Зъ Рымомъ боротысь не сыла! Довго вагався старый. Мисяць спускався надъ море и ставъ прымеркаты, и море вщухнуло—здрималось пидъ ранокъ.—Люби мои! Мои ридни! Диты моеи души! Я утворывъ васъ—я жъ и сховаю до слушного часу: нашъ часъ не наставъ, або зовсимъ мынувся. Згынъте жъ вы краще у-купи зо мною, нижъ маю я даты васъ въ руки ворожи!

Зъ передсвита клопитъ Менандровымъ слугамъ, выносять зъ робитни богивъ, становлять на кручи надъ моремъ:—Щобъ Эось рожева не въ темній робитни, а тутъ на роздолли богивъ привитала, щобъ риднее море заграло богамъ на добры-день.—Такъ мовывъ Менандръ и, потомлену челядь пустывшы спочыты, самъ мижъ богамы своимы зостався на скели; ще разъ оглянувъ ихъ пыльно, ще разъ уклякъ передъ нымы, ще разъ помолывся и—вси ихъ одна по одній звалывъ у глыбокое море, нарешти жъ и самъ туды кынувсь... Лышь хвыли загралы, хлюпнули на беригъ, и змовкло усе: ниhto и не вчувъ, и не вглядивъ, якъ риднее море сховало одъ заздрысныхъ рымськихъ очей и пышну красу Херсонесу, й того, хто такъ вирно любывъ свою бидну краину...

Вики за викамы мыналы, якъ хвыли на мори; знеслы, потопылы въ безодни рымлянъ, херсонесцивъ и иншихъ, и мисце мешкання зривнялы землю. А все такы часъ, якъ и хвыля—то втопыть въ безодни, то знову выносыть забутую давню былицю,—и слухають люде нови ту былицю, и въ людському серци вона лунае живою струною. Море пидъ скелею плаче:—Немае-немае

того, що минуло; воно не воскресне въ колышній краси, лишъ слава його не загине, якъ пина на хвляхъ, якъ дрибне каминня на дни...

На голосъ тыхъ спививъ сумныхъ выходить Менандръ престарезный, по берези тяжко ступае, розгортуе дрибне каминня, все личыть, все тулыть до-купы; не звившы лику—зновъ шукае и стогне, и въ моря пытае:—Скажи, чы минула на вики жадана годына? Чы ще не настала?...

